

К. Разумовская

Солод

БЕСА

*Моя надежда
Моё чудовище*

К. Разумовская

Голод Беса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70327357

SelfPub; 2024

Аннотация

Этран – Бес, служащий Чревоугодию. Он проклят и благословлен в равной мере. Мир менялся вокруг него, вихрился всполохами войн и эпидемий. Единственным спутником Этрана испокон веков был Голод, пожирающий его изнутри. Дополнение к циклу "Двуглавые змеи"

К. Разумовская

Голод Беса

Посвящается чудовищам, которые смертельно боятся по-любить.

«Мой милый. Моя надежда. Моё чудовище. Моя личная преисподняя, разгуливающая по земле.»

Бесы – промежуточный этап между Старыми и Новыми Богами. Непринятые, застывшие в янтаре времени, они прятались в непроходимых лесах, гонимые обществом.

Новые Боги служили Старым. Были их проявлениями в плотском мире. И когда люди уверовали, будто пантеон Грехов давно отошел от дел, уступив свое место иным чудотворцам, Старые Боги умело дергали за ниточки, прячась глубоко в тени. Они расставляли Новых Богов на доске, играя ими, словно шахматными фигурками.

Любые дороги, которые, казалось, Новые Боги выбирали по своей воле, были затейливо сплетены задолго до того, как те вознеслись к своей величавой сути.

Стать Богом было просто. Достаточно лишь родиться под счастливой звездой. Везло же далеко не всем.

Высокий и статный, бледный, как аристократ, он сидел на земле, давясь волчьими ягодами. Красные плоды, словно бисеринки, перекатывались в ладонях, оставляя розоватые мазки. Он глядел на них без страха. В лохмотьях, израненный, Бес жевал ягоды и давился собственной кровью. Она окрашивала заостренные клыки и, пузырясь, густыми каплями стекала по точеному подбородку.

Имя ему было Этран.

Выходец из большой семьи, погубленной не войной или мором. Этран, в приступе наваждения, порожденного проклятием, кое для многих считалось даром, изувечил братьев, сестер и родителей. Разорвал в клочья тела, трапезничал на их костях, пока его не затошнило.

Он страстно желал умереть.

Тогда Бес не знал, что Смерть никогда не придет за ним. Она оставила его, как и все пристрастия человеческой души. Остался лишь Этран и его голод. Всепоглощающий, дикий, первобытный.

Этран чувствовал, как, с каждым днем, дыра в его груди разрасталась, грозясь поглотить его целиком.

Он нуждался во всём и сразу: еде, красивых камушках под ногами, вороньих костях и солнце.

Порою он дни напролет лежал на земле, в окружении своих богатств: веточек, огненно-рыжих листьев клена, собственных одежд и мертвых крыс. Случалось, что вместо грызунов его вновь окружали людские тела. Этран выворачивал

их наизнанку, впитывал каждый вопль, пронизанный ужасом, варил в котелках черепа и обжигал ребра в костре. Но голод продолжал изводить его, истязая до безумия.

Это темное время Этран предпочел бы забыть. Он часто говорил себе, что десятилетия, проверенные им в страхе и голоде, никак не отпечатались на идеальном фарфоровом лице, изящных длинных пальцах и горделивой осанке.

Но Чревоугодие, которому служил Этран, встретило его именно таким: уязвимым, загнанным, словно дикий зверь.

Грех подал руку Бесу и заключил с ним сделку. Даровал ему часть своих сил. Но можно ли отломить кусочек от чего-то необъятного, столько безграничного, что не вмещается в рамки людского понимания?

Условие было одно. Всего одно. Жалкое, маленькое и потому почти непосильное.

Этран не мог делать что-либо, не беря за то плату. Лишь получая что-то взамен Бес получал краткосрочное чувство насыщения.

Сначала он брал едой, потом золотом и парчой. В ход шли книги, уроки от лучших преподавателей и военных стратегов.

Каждый хотел получить немного благословения, пусть даже и от того, кого самолично мешали с грязью.

Десятилетия на балах, среди вин, прекрасных женщин и знати пролетели незаметно. Тогда Этрану вновь суждено было повстречать Чревоугодие.

К тому моменту Этран успел позабыть о том, что и Боги, и Бесы подчинены чему-то древнему и могущественному. Чревоугодие выглядело, как и в прошлый раз: крепкий, невысокий, с длинными почерневшими пальцами, оканчивающимися когтями.

Этран часто думал, что, спустя вечность, и сам может обзавестись такими же. Он уже замечал, что десятилетия сливались за его спиной в мутные пятна, запомнившиеся всполохами войн, эпидемий и голода. Этран все чаще ловил себя на мысли о том, что постепенно терял человечность. Бессонница. Еда была ему не нужна, вся она была пресной на вкус. В отличие от нужды. Он чувствовал её за версту и научился различать её вкус.

Нужда матери, чей ребенок обречен на смерть, была горькой, с привкусом земли и полыни.

Нужда любовницы была кисло-сладкой, терпкой, с нотками гвоздики.

Нужда же гения была по вкусу словно теплый пепел.

Когда же перед ним явился Грех, Этран не чувствовал ничего. Чревоугодие держалось холодно и отстраненно. Величавый покровитель.

Грех глядел на Этрانا черными глазами, поджав губы. Он недоволен был своим слугой. Этран взмолился:

– От чего так тяжело мне на душе? В груди ношу я камни, вместо сердца. Дышать становится труднее.

Чревоугодие подняло руку. Когти блеснули в полумраке

спальни.

– Цена – тому вина.

Этран отпрянул, задел рукою свечи на столе.

– Но как же так?

Огонь лизнул ковер и покрывало на кровати. Вся спальня в миг была озарена костром.

На улице они всё также были вместе. Чревоугодие следило за людьми. Кричали слуги, знатные особы. Этран не двигаясь глядел, как к ним бежала дева. Первый снег запечатлел следы её босых ступней. Она молила, жалобно стенала, просила помощи от них. Чревоугодие молчало. Этран готов бежать был к ней навстречу. Не сделал он ни шага.

Он знал её. Конечно, знал. Изгибы тонкой шеи и каждую волну кудрей. Улыбку, мягкую, как летний ветер, и озорной огонь в глазах. Теперь пред ним она была совсем иной. Пропала горделивая осанка, исчезая медленная поступь. Она была растрёпана, в слезах, а на фарфоровом лице, как алые цветы, следы от копоти поверх ужасных ран.

– Прошу, любовь моя, спаси!

Этран вдохнул. Кругом витали запахи и дыма, и паленой кожи, но не было намека на нужду. А дева плакала, склонив пред ним колени.

– Спаси меня! Прошу! Спаси!

И вновь она расплакалась, шепча одни слова: «Моя любовь. Моя, моя любовь.»

Столь ласково она звала его и раньше.

Этран не знал, как сердце, одно, всего одно, могло вместить в себя столько прекрасных слов.

А голод, извечный его спутник, шипел в груди уродливой змеёй.

– Какую плату ты предложишь?

Без тени жалости Грех спросил.

А дева побледнела. На платье, среди складок из бархата и шелка, под сердцем, темнело красное пятно. Жизнь таяла, как колкий снег в ладонях. Этран не протянул руки. Он голод свой не слушал, пока тот рвал его внутри. Бес был готов расплакаться, сжавшись от боли, но стоял прямо, хозяйну вторя.

– Какая плата?

Чревоугодие молчит.

– Возьмите золото, шелка...

И голос девы надломился. Добро её вот-вот сгорит дотла.

Чревоугодие качнуло головой.

Этран не мерз, но холод вдруг его коснулся. То Смерть поблизости дышала.

– Плату.

Этран молчал, а говорил за него голод. Он должен верен быть Греху, что дал ему надежду, что научил служить и жажду утолять. И должен верен быть ему всею душою, но сомневался, осталась ли она внутри.

– Любовь моя, прошу, я всё верну потом.

Грех вновь не согласился. Этран пытался разобраться: кто

главным должен быть ему: хозяин, Грех, Чревоугодие, иль голод, пожирающие живьем? А может человечность? Она была воспитана его семьей, которую он сам и погубил.

А дева таяла. Кровь капала на снег.

– Мой милый. Моя надежда.

Дева завалилась на бок, глаза глядели на вихрящиеся искры, снопом исчезающие в небе.

– Моё чудовище. Моя личная преисподняя, разгуливающая по земле. Ты можешь забрать моё сердце.

Этран бросил один лишь взгляд, полный тоски и боли. Чревоугодие молчало.

Пар растворялся в воздухе морозном. Слезы катились по её щекам, но на губах была улыбка.

Она так и лежала. Побледневшая, сама как первый снег. Чревоугодие вздохнуло, совсем как человек. Этрана это возмутило.

Помочь он девице не смог, равняясь на Греха под боком, а тот повел себя совсем уж просто. Чревоугодие заговорило. Голос шелестом пронесся по двору.

– Людям всегда нужно во что-то верить.

Подул холодный ветер, заметая следы девы. Последние воспоминания стирались отовсюду.

– В совесть, честь и долг. В Богов, суеверия и знаки. Но правда в том, что каждому хочется не верить, а вверить себя кому-то. Любимому, чей век такой же короткий, или Богам, чья жизнь – это вечность, наполненная утратами. Людям хо-

чется сострадать чудовищам в надежде на то, что монстру удастся полюбить их в ответ.

Этран глядел на лицо девы, на стекло глаз и снег в кудрях.

– Я мог забрать сердце. Не слишком ли высока плата?

Чревоугодие в ответ лишь рассмеялось. Звонко, гулко, за-
глушая треск огня.

– Ничтожна.

Этран опешил. Казалось, что и голодная змея в груди
утихла.

– Целое сердце. – едва промолвил Бес.

Он не любил, не был любим, не знал ни трепета, ни боли.
Слова же девы ранили его до глубины гнилой души. Грех
зубы скалил, ласково пропев:

– Богам дано любить лишь раз. За вечность это жалкая
крупница, а потому не смей себя же в путы заковать.

И Бес отпрянул, прижав к груди ладони. Всего лишь раз!
Он даровал другим, благословлял и проклинал, а сам имел
всего одну возможность! Судьба к нему несправедлива? Или
проклятие настигло вдруг врасплох?

– Пусть ты чудовище и преисподняя, её слова, а не мои,
ты беспросветно глуп, Этран. А сердце... оно было в твоих
руках, его твой голод поглотил давно.